Текст · 26 мая 2021, 08:18
Елизавета Нестерова,

«Такова в России плата за возможность побыть собой один день». Арестованный за митинг 23 января Александр Федеряков не признает вину и беспокоится о фиалках

Московский айтишник Александр Федеряков в СИЗО уже два месяца — он один из немногих фигурантов «январского дела», кто отказывается признавать вину в применении насилия к силовикам. Федеряков готовится доказывать это в суде: «Может, это будет как раз тот случай, когда человек смог добиться правды при нашей системе правосудия?».

---

23 января Анастасия Федерякова и ее муж Александр пошли в Москве на демонстрацию против ареста Алексея Навального.

— Потом читали все эти новости про уголовные дела, так было всех жалко, но мне в голову не приходило, что мы следующие, — говорит Анастасия. — Ну потому что мы думали, как могут спустя два месяца прийти с обыском к тому, кто просто участвовал в акции, даже не был там задержан?

К ним пришли ранним утром 31 марта, вся семья была дома: Александр, Анастасия и двое детей, семилетний Лева и полуторагодовалая Алина. Все уже встали: Леве пора было собираться в школу.

Войдя в квартиру, следственная группа первым делом сняла камеры во всех комнатах: недавно Федеряковы решили нанять няню и повесили камеры для собственного спокойствия. Во время обыска забрали все электронные устройства и вещи супругов: две куртки, две шапки и три пары брюк. После этого его увезли в Следственный комитет.

Уже из кабинета следователя Александр позвонил жене с телефона адвоката.

— Этот звонок очень хорошо характеризует Сашу, я считаю. Саша — человек-ответственность, — смеется жена.

Спросив о том, как чувствуют себя после обыска дети, вспоминает Анастасия, он спокойным голосом выдал инструкции на время его отсутствия: что сказать коллегам по работе — Федеряков руководит отделом разработки в российской *IT*-компании — как завершить домашние дела, которые он не успел довести до конца и, главное, как поливать его цветы.

— Не знаю, когда мы с тобой в следующий раз сможем поговорить, поэтому запиши, пожалуйста, что мои фиалки нельзя поливать сверху, — вспоминает она слова Федерякова.

Анастасию это не удивило: фиалки у Александра давно, они появились в доме еще до нее самой. По ее словам, муж всегда говорил: «Я несу ответственность за все живое вокруг меня».

Человек в темной куртке

Следствие называет 36-летнего Александра Федерякова участником инцидента на Трубной площади вечером 23 января. Там кто-то распылил перцовый баллончик в лицо разгонявшим протестующих сотрудникам Нацгвардии — известно по крайней мере о двух пострадавших омоновцах: 25-летнем Владиславе Выборнове и 27-летнем Антоне Чижове. Выборнову, по информации «Медиазоны», врачи ставили диагноз «химический ожог глаз, слева и справа» от перцового баллончика, его коллеге Чижову — «химический ожог лица, правого и левого глаза».

Федерякова обвиняют в том, что он прыснул из баллончика в лицо омоновцу Выборнову. Федеряков говорит, что это ложь.

По словам адвоката Александра Боркова из «ОВД-Инфо», пока следствие как доказательство вины представило ему только две плохого качества ксерокопии скриншотов — кем и когда делались видеозаписи, защитнику неизвестно.

На одном из скриншотов запечатлена Пушкинская площадь около трех часов дня 23 января, там видны два человека в шапках, зимних капюшонах и медицинских масках — это Александр Федеряков и его жена. На втором — несколько кадров с Трубной площади в тот же день. Около пяти часов вечера, уже темно. На них видно, как омоновец пробирается через толпу людей, рядом с ним видна спина в темной куртке.

Скриншот предоставлен Александром Борковым

Следствие утверждает, что это Александр Федеряков и что именно в этот момент он напал на омоновца.

Сейчас защита ждет результатов назначенной следствием химической экспертизы, адвокат предполагает, что именно для этого из дома Федерякова изъяли столько одежды — искать на ней следы распыленного баллончика спустя почти семь недель после самого случая.

С результатами каких-либо других экспертиз по делу защиту тоже до сих пор не познакомили, говорит адвокат Борков: «Материалы дела в полном объеме нам так и не показали. Единственное, на что они указывают — схожесть темной куртки Александра со спины — со спиной и темной курткой человека, который стоит рядом с полицейским».

Не было и очной ставки с потерпевшим омоновцем. Во время допроса тот говорил, что не видел нападавшего и не сможет его опознать.

По словам адвоката, несмотря на давление следствия, Федеряков даже не рассматривает вариант признавать вину в том, чего он не совершал.

«Грандиозное событие, которое повлияет на ход истории»

День акции Анастасия хорошо запомнила: «С утра читали новости, какой там капец. Наша цель была — прийти посмотреть сначала. И если все мирно, идти дальше со всеми, если нет, развернуться и уйти».

— Просто накопилось ощущение несправедливости, была задача в первую очередь понять, что происходит, разобраться, как жить дальше. Было ощущение, что это такое грандиозное событие, которое повлияет на ход истории. Очень важно своими глазами его увидеть, — говорит она.

Супруги приехали на Пушкинскую площадь незадолго до запланированного начала демонстрации. Еще дома Федеряковы договорились участвовать в акции, только если она будет мирной, а потому сначала стояли рядом с журналистами — предположив, что там безопаснее — и наблюдали за происходившим.

— В какой-то момент в стороне стали кидаться снежками, — рассказывает Анастасия. — Рядом с нами кинул снежок какой-то мужчина, я ему сказала, что мы все тут вообще-то собрались мирно выразить свою точку зрения. Он ответил: «Да, хорошо» — и больше я не видела, чтобы он что-то такое делал. Я видела, что кто-то бросает еще снежки, но при этом я слышала и крики «Не бросай!».

К тому времени, когда ОМОН начал выхватывать людей из толпы, Анастасии уже пора было уезжать — в этот день она была записана к врачу, а вечером должна

была забрать детей от бабушки. С Александром они договорились, что Анастасия поедет с «Пушкинской», а он дойдет с протестующими до следующей станции метро.

— У нас была главная договоренность — безопасность семьи, — говорит Анастасия. — Если хочет пройтись дальше, никаких контактов с ОМОНом. Я понимаю, что у любого адекватного мужчины, когда бьют, например, женщину, первая реакция — защитить. Но мы твердо договорились, что столкновения не наш принцип. Если есть протест за верховенство закона, сами протестующие должны придерживаться этого принципа.

У мужа, «естественно, не было с собой никакого баллончика», добавляет она: «У нас была только вода и печеньки, взяли с собой, потому что предполагали, что худшее, что с нами может случиться — ну, проведем вечер или даже сутки в отделе полиции. Ну, придет потом штраф: такова в России плата за возможность побыть собой один день».

Расставшись на Пушкинской площади, они увиделись уже дома и обменялись впечатлениями, вспоминает Анастасия: Александр рассказал, что прошел до «Трубной» без приключений, видел, как нацгвардейцы били людей дубинками, даже показал видео, которые снял на телефон. Она признается:

— Когда он вернулся домой я выдохнула, уверенная, что все позади.

Александр Федеряков. Фото: семейный архив

«Чувство благодарности перекрывало страх»

Саму Анастасию допросили в тот же день, что и Александра, но позже — позволили сначала отвезти детей к родственникам. Она приходит свидетелем по делу мужа, к тому же следователь взял у нее подписку о неразглашении.

— После допроса я начала отсматривать все трансляции с акции 23 января, чтобы найти доказательство невиновности мужа. Стала писать всем, кто выкладывал в тот день видео — мне казалось, от меня будут шарахаться, как от прокаженной, а мне никто не отказал, все хотели помочь, — вспоминает она. — Честно скажу, было страшно. Но это бесконечное чувство благодарности перекрывало страх.

От любой неюридической помощи Анастасия отказалась:

— Я бесконечно благодарна, но считаю, что наша семья может справиться своими силами. Да, я в декрете, но мы живем в своей квартире, я имею руки и ноги, эмгэушное образование, наши родители готовы помогать. У нас все будет хорошо. Мне важно

справиться самой, а еще лучше помочь тем, кому это сейчас нужнее.

После ареста мужа, она стала по-другому воспринимать новости о задержаниях:

— Каждая новость — теперь как будто личная боль. Стала лучше понимать, что за каждым таким арестом живой человек, его семья, близкие.

Федеряковы вместе семь лет, официально они поженились в 2016 году. Пара воспитывает двоих детей: семилетний Лев — сын Анастасии от первого брака, полуторагодовалая Алина — общий ребенок.

— В семье нет строгости, но Саша сам умеет и детей учит выстраивать личные границы. И правила для всех в семье едины. Например, если родители обещали, то должны сделать. Я могу засидеться за компьютером и такая: «Лева, я приду играть через пять минут. Лева, я еще через пять минут». Саша тогда подходит и говорит: «Нет, ты обещала. Все откладывай, пойдем». У него в семье такая позиция справедливого судьи. Не как надзиратель, а как человек, который стремится к балансу. Мне кажется, это я у него учусь мудрому родительству, хотя я родитель дольше, чем он, — смеется Анастасия.

По ее словам, Александр занимается танцами 15 лет: хастл, кизомба, социальное танго, контактная импровизация: «Саша вообще очень творческий человек и всегда пробует что-то новое, меня это в нем всегда восхищало. Раньше писал электронную музыку, сейчас разрабатывает свою компьютерную игру, у него мечта — создать свою идеальную

игрушку». Александр — почетный донор Москвы, сдает кровь больше пяти лет, последний раз сдавал незадолго до ареста, две сдачи крови ему оставалось до звания почетного донора России.

— Я столкнулась с тем, что не знаю, какой у нас провайдер, а доступа к его компьютеру у меня нет, — признается Анастасия. — Так что мне пора бы узнать, как платить за интернет и сколько у нас осталось еще оплаченного времени. Он правда очень много делал, даже когда я была в декрете и сидела дома, а он работал допоздна. Просто делал и делал, не как подвиг, а просто как жизнь. Теперь надо все самой.

К тому же до ареста Александр очень много времени проводил с детьми, что позволяло его жене продолжать учиться.

— Я фанат обучения, — говорит Анастасия, чьим первым образованием был журфак МГУ. — За время декрета я прошла около десяти больших онлайн-курсов, последний трехмесячный курс — я училась делать лендинги, каждый день от трех до шести часов я занималась только учебой, для меня это был грандиозный скачок в развитии, а Саша меня поддерживал.

Детям она не стала подробно объяснять, куда делся папа — Алина, по ее словам, еще совсем маленькая: «Понятно, что ребенок в таком возрасте не понимает такие вещи, но, конечно, она скучает по папе. Приносит мне его тапки. В комнате у нас стоит электронная фоторамка, там семейная фотосессия наша, Алина постоянно перед ней залипает, что-то там думает».

О сыне Анастасия говорит так:

— Лева всегда считал, что полицейские — это хорошие люди, в школе играл в то, что он полицейский и ловит преступников, для него это были как такие супер-герои. У нас в семье есть ценности добра и справедливости, и вот полицейские для него были всегда защитниками этих ценностей. Лева знает, что Саша добрый человек, и не понимает, почему полицейские, которые должны ловить бандитов, его увели. Я сказала, что произошла ошибка, что пока Саша побудет не дома. Не могу сказать слово «тюрьма». Просто нам нужно показать этим людям, что Саша ничего плохого не делал. Иногда бывают ошибки, но справедливость восторжествует, надо просто подождать.

Анастасию очень поддерживает мысль о том, что вокруг ее семьи сейчас «столько хороших достойных людей»:

— Главное, не быть жертвой, не ныть. Мне бы вообще хотелось верить, что нытье — это не про нас. Даже при самом худшем сценарии мы останемся семьей, случившееся — еще не повод отказываться от своих жизненных ценностей. Я даже не про политику, а про

то, что над этим стоит. Мы через это просто пройдем. Просто период жизни, за которым будет другой. Я знаю, что Саша останется тем человеком, которого я люблю.

Александр Федеряков. Фото: семейный архив

«Позиция однозначная: я не виноват, мне важно доказать свою правоту»

Первый месяц после ареста Александр Федеряков провел в СИЗО «Капотня», потом его перевели в СИЗО «Матросская Тишина», где он находится до сих пор — суд арестовал Александра сразу на три месяца, до конца июня.

— У Александра полная семья, на иждивении двое детей — возраст семь лет и полтора года. Живет в собственной квартире. Никаких препятствий для домашнего ареста или запрета определенных действий, мы готовы также предложить залог. Подготовили поручительства от жены, близких родственников, коллег и друзей. Но мы знаем, какая практика по такой категории дел, — говорит адвокат Борков перед апелляцией на арест в Мосгорсуде.

17 апреля суд и правда оставил Федерякова в СИЗО. Через адвоката он передал оттуда ответы на несколько вопросов «Медиазоны». О неделях под арестом Александр рассказывает так:

— Ем, сижу, скучаю, информационный голод, хотя писем пишут много. Все новости очень интересны, но они приходят мало и с опозданием. Камера у нас интеллигентная. Только обвиняемые по экономическим преступлениям, предприниматели, бизнесмены. Со стороны охраны отношение корректное, профессиональное. Но проблемы с медпомощью, врача приходится выпрашивать и подолгу ждать. У меня колено больное, получить лекарство практически невозможно. Только если с воли и то — после длительных согласований с местным начальством.

На вопрос о том, что бы он в первую очередь сделал, если бы вернулся домой прямо сейчас, отвечает коротко: «Ну это совсем просто. Обнял бы жену и детей». Сейчас из-за статуса свидетеля у жены он не может рассчитывать даже на свидание с ней в СИЗО.

— Я себя считаю невиновным, — настаивает Александр. — Следствие не предоставило никаких доказательств моей вины. Моя позиция однозначная: я не виноват, мне важно доказать свою правоту. Может, это будет как раз тот случай, когда человек смог добиться правды при нашей системе правосудия?

Редактор: Егор Сковорода